

Балашова Тамара Владимировна

"СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ ПОГУБИТ СЕБЯ, ЕСЛИ ОТКАЖЕТСЯ ЗАЩИЩАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО" (ПРОГУЛКА ПО ДВУМ ВЫСТАВКАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ)

Данная статья предлагает анализ некоторых аспектов взаимоотношений интеллигенции России и Франции после 1917 года – осмысление зарубежными писателями политических, этических и эстетических изменений, предопределивших движение культуры в СССР; рассматривает вопросы, встававшие в связи с тем, что репрессивные методы "управления" культурой не соответствовали представлению о самом понятии "страна социализма". За отправную точку анализа взяты материалы Выставки "Писатели и интеллектуалы России и Франции 1917-1991".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 26-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

12. Тянь Юехун, Шейн В. Н. Китайское региональное радио: этапы становления и развития [Электронный ресурс] URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/5608/1/25%20ТЯНЬ%20ЮЕХУН.pdf>
13. Юный читатель Рубежа: журнал. Харбин: Заря, 1930 // ГАХК. НСБ. Инв. № 3126. № 1-6.
14. Якимова С. И. Филологические аспекты интеграционных процессов межкультурной коммуникации литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока в контексте традиций Серебряного века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6. С. 218-222.

**MASS MEDIA FOR CHILDREN AND YOUTH OF FAR EASTERN
RUSSIAN ABROAD IN AXIOLOGICAL ASPECT**

Babkina Ekaterina Sergeevna, Ph. D. in Philology
Pacific State University
gussinda@yandex.ru

By the material of periodicals for children and youth, programmes and radio speeches articles the author undertakes the attempt to research the axiological aspect of mass media of Far Eastern Russian abroad, in the course of synchronic and diachronic analysis of the texts previously unpublished in Russia by Russian diaspora journalists, writers and poets, reveals the conception of publications and axiological dominants, and traces the transformation of the value component of the Russian emigrant mass media in China and Manchuria during the 1920-1940s.

Key words and phrases: mass media; periodical press; Russian abroad; axiological aspect.

УДК 8

Филологические науки

Данная статья предлагает анализ некоторых аспектов взаимоотношений интеллигенции России и Франции после 1917 года – осмысление зарубежными писателями политических, этических и эстетических изменений, предопределивших движение культуры в СССР; рассматривает вопросы, встававшие в связи с тем, что репрессивные методы «управления» культурой не соответствовали представлению о самом понятии «страна социализма». За отправную точку анализа взяты материалы Выставки «Писатели и интеллектуалы России и Франции 1917-1991».

Ключевые слова и фразы: взаимоотношения культур; критерии оценки художественного произведения; перевод; взаимовлияние.

Балашова Тамара Владимировна, доктор филологических наук
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
tantabalach@mail.ru

**«СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ ПОГУБИТ СЕБЯ,
ЕСЛИ ОТКАЖЕТСЯ ЗАЩИЩАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО»
(ПРОГУЛКА ПО ДВУМ ВЫСТАВКАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ)®**

*Данная статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11 – 24 – 17001 а/ FRA
«Отношение к иностранной литературе в советской литературе, искусстве, теории. 1917-1941».
Номер Программы французской стороны – ETRANSOV № 6027.*

Осенью 2012 – весной 2013 прошли две уникальные Выставки: это не просто Россия привезла во Францию или Франция в Россию свои драгоценные рукописи; это ученые обеих стран согласованно осуществили подбор материалов, каждый из которых имеет отношение сразу и к Франции, и к России – существенный фрагмент совместной истории (1917-1991) – романтической, тревожной, болезненной, трагической. И поразительно щедрой на взаимную симпатию, необъяснимую порой любовь, самоотверженное стремление к сближению. Прообразом можно считать, пожалуй, Выставку 1981 года «МОСКВА-ПАРИЖ», подготовленную совместно Государственным Музеем Изобразительных искусств и Национальным Центром искусства и культуры им. Жоржа Помпиду.

Выставка «Писатели и интеллектуалы России и Франции», проходившая в конце февраля 2012 года в выставочных залах Федеральных архивов, поднимает важнейшие проблемы взаимоотношений двух стран. Сразу после Выставки, в программе «Наблюдатель» телеведущий настойчиво спрашивал у историка и дипломата, представляющих на этой встрече Францию (Вероника Жобер и Игорь Сокологорский), – неужели же ваши соотечественники, с таким воодушевлением устремившиеся сразу после Октябрьской революции в Москву и написавшие затем статьи, книги в поддержку революционной России, не видели хаоса, жестокостей, казней без суда и следствия?

Новую Россию хотели поддержать не только активно вовлеченные в политическую жизнь члены коммунистической партии (Жак Садуль, Пьер Паскаль – документы, связанные с их пребыванием в России, сразу

встречают посетителя Выставки), но и авторитетные писатели, чье творчество представляло французскую литературу того времени – такие как Ромен Роллан, Жорж Дюамель, Люк Дюртен, Андре Шамсон, Франсис Карко, Андре Мальро и др. В РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства) сохранился, например, автограф письма (в редакцию журнала «Литература мировой революции») Франсиса Карко от 1 октября 1926 года: «Конечно, я поддерживаю сближение интеллигенции Франции и России – сегодня больше, чем когда-либо раньше, опыт Востока может оказать самое благотворное влияние на наше общество» [2, с. 219] (*Здесь и далее перевод автора - Т. В. Балашиовой*). В те же годы Андре Бретон в ответ на анкету «Литературной газеты» составил и подписал коллективное письмо группы сюрреалистов, завершившееся словами: «Да здравствует борьба пролетариата русской Революции и рабочих Франции против западного империализма!» [Там же, с. 222]. Но данное коллективное письмо содержало и оценки, неприемлемые для редакции, поэтому среди ответов на Анкету напечатано не было. Строки, вынесенные в заглавие моей статьи и принадлежащие Андре Бретону – «Социалистическая идея погубит себя, если откажется защищать человеческое достоинство» – свидетельствуют о дальнейшем углублении критического взгляда французского писателя на ситуацию, сложившуюся в Советском Союзе.

Что же притягивало к новой Москве после 1917 года столь широкие круги интеллигенции? Поколению начала XXI века придется сначала усвоить, что все «перекося» капиталистической системы ценностей (которые так внезапно обрушились на пост-перестроечную Россию) граждане Франции отчетливо видели давно, и мечта о справедливом обществе не переставала их волновать. Во Франции события февраля-октября 1917 года воспринимались в известной мере как продолжение Французской революции 1789 года (осознание вероятности террора якобинского или термидорианского было, собственно, в генетической памяти) и с надеждой, что русским удастся осуществить то, что далеко не полностью удалось во Франции. Наследник идеалов Французской Революции 1789 года – посол Франции Жозеф Нуланс, выполнявший свои обязанности с июля 1917 по январь 1919, запомнил, как неслись над городом звуки «Марсельезы» (ставшей ненадолго официальным гимном), как взвился над Зимним Дворцом красный стяг, как сталкивались противоречивые приказы двух параллельных «властей» – Временного Правительства и «Советов рабочих и солдатских депутатов», с каким варварством солдаты и просто прохожие тащили из залов Зимнего все, что попадалось под руку [4, с. 44]. Жозеф Нуланс вел ежедневно самые подробные записи, беседуя часто как бы с самим собой – например, высоко ценя авторитет Максима Горького и ожидая от писателя какой-то ясной реакции, в смятении делится своим удивлением, что «Горький с ними» (Автограф на стенде Выставки). Жозеф Нуланс не ошибся, апеллируя к авторитету Горького – это имя по-прежнему пользовалось большим уважением у интеллигенции Запада: можно было бы поместить на стенде и такой документ как письмо Жана Лескюра, датированное 1 марта 1936 года (в редакцию «Интернациональной литературы»), который просит российских коллег поддержать выдвижение на Нобелевскую премию Жана Жионо, но при этом добавляет: «Некоторые друзья сообщили нам, что вы, возможно, выставите на Нобелевскую премию по литературе кандидатуру Максима Горького <...> В таком случае мы, конечно, склоняем голову перед авторитетом вашего великого Горького («naturellement nous nous inclinons devant votre grand Gorki») [2, с. 251].

Такие «уточнения» дорогого стоят и свидетельствуют, действительно, об искреннем желании писательских кругов Франции установить дружеское взаимодействие с коллегами из России. Сразу после Октябрьской революции в самый апофеоз экономической разрухи издательство «Всемирная литература» сумело развернуть фантастическую деятельность по изданию зарубежной классики, привлекая к научной и переводческой работе авторитетных специалистов. Картина современной литературы Франции находила отражение и на страницах советских журналов. Постепенно, однако, ручеек переводной зарубежной литературы сужался, а поле агрессивных обвинений в адрес «литературы прогнившего Запада» расширялось.

Со второй половины 20-х годов резкий поворот к запрету «контактов с Западом» произошел даже в сфере столь далекой от современности как античность. Вроде бы налаженное в начале 20-х годов и столь полезное для страны Советов международное сотрудничество внезапно натолкнулось на препятствия. Альманах «Диалог со временем» опубликовал недавно интереснейшие архивные материалы, которые дают картину «стремительной эволюции». В 1927 году в Праге – по традиции международных изданий – увидел свет коллективный труд, представивший 11 статей советских авторов и столько же – зарубежных, среди которых были и ученые, покинувшие Россию. Через год – при публикации там же подобного коллективного труда с таким же международным составом авторов – грянул «гром среди ясного неба»: ленинградские ученые-античники «подверглись резким нападкам за сотрудничество с эмигрантами», а их опубликованные работы были объявлены «антисоветскими и контрреволюционными» [3, с. 261]. Естественно, что и обращение к материалам актуальной зарубежной литературы оказалось под особым контролем.

Вскоре и сами встречи, контакты (даже те, которые определялись необходимостью организации Первого съезда советских писателей или Международного конгресса писателей в защиту культуры 1935 года) становились «уликами». Во время «следственных действий» советским литераторам – И. Бабелю, И. Лупполу, С. Динамову, М. Кольцову, переводчице Союза писателей Б. С. Болеславской-Вульфсон и др. – предьявлялись обвинения в сотрудничестве с «зарубежными агентами»; самыми «убийственными доказательствами» вины считались встречи с Андре Мальро и его братом Ролланом [5, с. 281]. Со своей стороны Комитет Национальной Безопасности Франции тоже пристально отслеживал многогранные связи, например, Андре Мальро [1, с. 37-38] и с советскими мастерами искусства, и с китайскими революционерами, но, к счастью, без «далеко идущих выводов».

На стендах Выставки были пространные цитаты из газетных статей Романа Роллана, благодарившего товарища Сталина за оказанный прием, но не было, к сожалению, «неудобных вопросов», заданных Ролланом

во время этой беседы, не было и эпистолярных документов 1935 года, где французский писатель вновь и вновь повторяет Сталину свою просьбу дать ответ на вопросы, связанные с репрессиями, вопросы, которые волнуют французскую общественность: «Вы не можете себе представить количество и важность вопросов, которыми почти ежедневно осаждают нас, друзей СССР, и которые разъедают мировое общественное мнение. Было бы опасной ошибкой недооценивать их или убеждать себя, что если на них не ответить, они позабудутся. Ничто не забывается, все накапливается и, в конце концов, дает начало болезни, разъедающей симпатии даже тех сотен людей, которые, казалось, более всего тянулись к СССР. Эти полгода на моих глазах растет охлаждение по отношению к СССР среди той части французской интеллигенции, профессоров, учительства, честной мелкой буржуазии, которых нам удалось привлечь к служению делу СССР. Они взволнованы и растеряны оттого, что не могут добиться ответов на многие тревожные вопросы» [2, с. 281]. А ведь если слова благодарности и слова тревоги, осуждения поместить рядом, то роль тех, кого привыкли теперь обозначать словом «агенты влияния», была бы раскрыта гораздо более правдиво – во всей противоречивой многогранности.

Можно было бы представить контрасты – рядом со страницами хвалебного предисловия Арагона к книге А. Жданова «О литературе, философии, музыке» в самый разгар кампании против «космополитов» **поместить** правленный рукой Арагона перевод романа Юрия Яновского «Всадники» или рукописные страницы его предисловий к роману Мухтара Ауэзова, к повести Чингиза Айтматова... (Фонд Арагона в Национальной Библиотеке Франции), оттенив тем самым очень ценное для обеих стран участие в знакомстве французского читателя с современной многонациональной культурой Советского Союза. А возможно, добавить и автографы записей 70-х годов, где Арагон пытается объяснить, почему он «дорого заплатил за головокругение, испытанное в Советском Союзе», почему «был всю свою жизнь совсем не тем, каким его хотели бы видеть», почему только в 1968 году окончательно решил назвать вещи «своими именами» [8, р. 163]. И Барбюс, и Роллан, и Арагон, и, например, Андре Вюрмсер, да, собственно, большинство из тех, кого называют «агентами влияния» – даже в тот период, когда были в плену многих иллюзий – решались иногда спорить, обозначать то, что им казалось неверным в культурной стратегии страны, которую они любили и сближению с которой отдавали столько сил. Решались, потому что верили, что «социализм с человеческим лицом» возможен все-таки и на российских просторах...

Тому, кто перечитал бы сегодня книги Андре Жида «Возвращение из СССР» (1936) и «Дополнения к моему возвращению из СССР» (1937), показалась бы странной обструкция, которая сразу была объявлена после выхода их в свет. Недостатки, им отмеченные, кажутся такими невинными по сравнению с тем, что теперь известно о прошедших десятилетиях. А некоторые наблюдения писателя, думается, актуальны и сейчас. На стенде выставки цитаты из этих публикаций были смонтированы с величайшим опасением, **как бы не** прозвучало хоть одно слово критики, за которую книги были на долгие годы заточены в Спецхран. А ведь нотки удивления Андре Жида отчаянным «хвастовством» («Крайнее самодовольство! <...> Спрашиваю у молодого человека: —Иностранные языки изучаете?». Ответ: —Зачем? Русская техника лучшая в мире. Нам нечему учиться у заграницы» [2, с. 370, 372] постоянно, прямо таки рефреном, повторяются в публикациях большинства зарубежных путешественников, побывавших в СССР тогда и позднее – Жоржа Дюамеля, Луи Гийю, Поля Морана, Дрие дя Рошеля, Эжена Даби...

Не значит ли это, что и впрямь многие из живущих на бывшей шестой части земного шара, генетически ощущая превосходство пространства (одна шестая целого земного шара!), не могут отказаться от определения «самый большой», «самый могучий», «самый богатый» – имеются в виду природные ресурсы, а бесстрастная статистика дает иную ориентацию термину «самый»: в 2013 году Москва заняла первое место по числу миллиардеров, а Россия – первое место по числу брошенных детей: фантастическое сочетание «самых»... Это, тем не **менее**, вовсе не противоречит международному признанию успехов нынешней России в космонавтике, искусстве театра и балета, открытий русских физиков и биологов. Но, может быть, безразличие к тому, в чем предпочтительнее быть «самым, самым», лишь бы им обязательно быть – и обернулось для России в начале **XXI** века столь абсурдной экономической диспропорцией, которую не демонстрировали планете ни социализм, ни капитализм, ни прочие уклады. Не прозорливо ли написал Жорж Дюамель в конце 20-х годов: «Главный враг России – теперь она сама»? [Там же, с. 191].

Притяжение российского континента, основанное и на любви к русской классике, и на восхищении атмосферой дружелюбия, зазвучало в более поздних дневниковых Записях Андре Жида, которые хорошо было бы увидеть в залах Выставки: «И все-таки, само это путешествие... Ни одно другое путешествие не оставило во мне столько глубоких впечатлений... И надо признаться, нет другой страны, где мне так хотелось бы еще раз побывать...» [6, р. 1012].

В 30-е годы социальная политика СССР оказала влияние на внутреннюю стратегию стран капитализма («Некоторые формы социальной справедливости сыграли – по словам одного из государственных деятелей Франции – свою важную международную роль»), а в 60-80-е годы французская интеллигенция оказала поддержку тем силам в СССР, которые прилагали усилия, чтобы «социалистическая идея» могла «защитить человеческое достоинство».

Наиболее сильное впечатление производит раздел Выставки, посвященный русским ученым и писателям, не по своей воле оказавшимся за пределами России, чья деятельность ярко осветила многие страницы культурной и научной жизни Франции. До боли ранит сердце копия заграничного паспорта, выданного Н. А. Бердяеву. На страничке паспорта две стандартные строки:

- «Предъявитель сего...»;
- «Отправляется...».

На первой значится Ф.И.О.; на второй – «за границу». А между этими стандартными строками вписана еще одна, никогда в паспортах не существовавшая – «высылается за пределы России».

Боль встречи с этой копией лишь постепенно утихает по мере того, как разворачивается панорама творческой активности «русской Франции»: автографы и титульные листы изданных во Франции книг Марины Цветаевой, Ивана Бунина, Зинаиды Гиппиус, Дмитрия Мережковского, Нины Берберовой, Владислава Ходасевича, Марка Алданова, Юрия Терапиано, Ивана Шмелева, Алексея Ремизова, Николая Лосского, Петра Струве, Николая Бердяева...

О высоте оценки вклада русской культуры в мировую сокровищницу идей и образов говорят многие представленные на Выставке документы – например, Обращение Сергея Лифаря в дни Пушкинского юбилея 1937 года, размах чествования 70-летия и 80-летия П. Н. Милокова и т.д. К министру Иностранных дел Временного правительства П. Н. Милокову, опубликовавшему во Франции немало книг, в 1939 году его французский коллега так и обратился: «Дорогой мой министр, пользуюсь этой возможностью, чтобы засвидетельствовать величайшее уважение к той глубокой лояльности, которой всегда одушевлена ваша научная мысль, к вашему таланту, который вы всегда направляли на защиту правого дела» (*документ на стенде Выставки*). В поздравлении Международной Дипломатической Академии содержались слова, имеющие отношение к судьбе не только П. Н. Милокова: «Трагические события, которые послужили причиной российской политической эмиграции, подарили нам честь и удовлетворение от того, что мы узнали таких значительных людей...» [4, с. 102].

Творческая деятельность во Франции русской диаспоры создала еще одну, очень прочную нить связи между двумя странами; чем дальше, тем отчетливее та польза, какую принесла деятельность русских интеллигентов во Франции – для понимания необходимости разрушать стены недоверия, строить мосты взаимного притяжения.

Поскольку при осмотре Выставки «говорят» не только документы, но и таблички, их сопровождающие, замечаешь некоторые несуразности. Например, если на стенд вынесены Справки для внутреннего пользования, то таблички, очевидно, должны уточнять ошибки в них допущенные: например, неверное написание имени Пабло Пикассо или странные заглавия произведений, приписанных Андре Мальро – «Судьба человека» и «Надежда человека» и т.п. Если табличка сообщает, что представлена «Информационная Справка ТАСС об Андре Мальро – активном коммунисте, причине его выхода в 1939 году из рядов Коммунистической партии Франции...», то посетитель вправе поверить, что Андре Мальро когда-то в компартии состоял. Референт ошибся в 1948 году, но в 2013 можно бы такую оплошность исправить.

Один из документов 1932 года (Письмо членов Антиимпериалистической лиги в Политбюро компартии Франции) и вовсе экспонируется странновато: на обозрение предложена та страница, где авторы письма решительно возражают против поступившего им от имени партии предложения – либо оставаться с сюрреалистами, либо продолжать быть членами компартии. «В этих условиях, – читаем на стенде французский текст, – мы вынуждены заявить, что предложенный нам выбор основывается либо на недостаточной информации, либо на сектантских тенденциях, которые, думается, противоречат решениям ответственных организаций партии». Табличка рядом сообщает: «Письмо членов Антиимпериалистической лиги Максима Александра, Луи Арагона, Жоржа Садуля и Пьера Юника в Политбюро коммунистической партии Франции о согласии с проводимой политикой по усилению в стране антиимпериалистической пропаганды». Из четырех страниц этого письма (полностью воспроизведенного в Каталоге, выпущенном к Выставке в Париже) мы узнаем, что все четверо подписавших письмо заявляют о том, что готовы быть «дисциплинированными членами партии», но обстоятельно разъясняют, почему они не считают возможным воспринимать сюрреалистическую группу как враждебную компартии, и почему предложенный им выбор противоречит и здравому смыслу, и стратегии культурной политики ФКП [7, р. 313-317].

Подобные противоречия между документом и его «экспликацией», к сожалению, снижают научную ценность проведенной – бесспорно огромной – работы.

Хронологическая граница Выставки – 1991 год, но экспонируемые материалы, по сути, не касаются тех процессов, которые способствовали сближению культур в 60-80-е годы. А ведь на всем протяжении этих десятилетий вопреки идеологизированным канонам, диктовавшим и отбор книг для переводов, и прочие оттенки оценок, энтузиасты двух стран открывали для России – слой за слоем – богатство философской и гуманитарной мысли Франции, многообразие ее художественных исканий, широту предлагаемых эстетических перспектив. В 1989 году начала функционировать поддержанная Министерством Иностранных дел Франции глобальная культурная программа «ПУШКИН» – программа помощи переводам французских книг в России, успехи которой трудно переоценить. На последней (четырнадцатой по счету) Ярмарке интеллектуальной литературы (NON-FICTION) самым значимым событием французской программы стал отмечаемый в Москве юбилей авторитетнейшего издательства Франции – Галлимар: представлял его лично нынешний Директор Антуан Галлимар, а в каталогах издательства русская тема заявлена триумфально – и всеми уважаемая классика, и самые спорные, требующие дискуссий книги последних лет. Роль издательского дома Галлимар многие десятилетия была необычайно велика в процессе движения французских книг на книжный рынок России, и это тоже яркая страница взаимодействия двух стран в 60-80-е годы. Литературный советник издательства Роже Гренье, легендарная Аня Шевалье... – их имена по праву останутся в культурной летописи истории сближения наших стран. С каким энтузиазмом и профессиональной чуткостью помогала, например, Аня Шевалье отбирать книги для перевода, осуществляла контакты с правообладателями, находила добровольцев-курьеров, срочно привозивших книги в московские издательства, обеспечивала «щадящие» цифры оплаты авторских прав – всех преимуществ таких дружеских «зеленых коридоров» для движения книжной продукции из Парижа в Москву – не перечислить...

Если бы на Выставке плодотворные контакты 60-80-х годов были отражены хотя бы перепиской российских издательств с издательством Галлимар, – картина последних десятилетий была бы неизмеримо богаче.

«Отношения между Францией и Россией уникальны», – произнес в свое время президент Франции Жак Ширак. Эта уникальность включает в себе и неисчерпаемую мощь взаимного интереса, и противоречивость взаимных оценок на перекрестках дорог, предложенных нашим странам Историей. Но стремление к воссозданию полноты картины взаимодействия культур предполагает отказ от страха, как бы критика не помешала престижу. Только широко открыв страницы наших грядущих научных исследований для многогранного анализа, сопоставлений и противопоставлений, можно разгадать, откуда появилась эта ностальгическая нота в воспоминаниях оппонента социалистического строя – «Нет другой страны, где мне так хотелось бы еще раз побывать».

Список литературы

1. Арзаканян М. Ц. Андре Мальро // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 30-48.
2. Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века / отв. ред. Т. В. Балашова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 958 с.
3. Еремеева С. А. Опасное дело. Практика академического некролога в России в 1928 году // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2012. Вып. 41. С. 257-283.
4. Писатели и интеллектуалы России и Франции: Прогулка по архивам XX века. М.: АДП-АРТ, 2013. 128 с.
5. Шенталинский В. А. Преступление без наказания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 465 с.
6. Gide A. Journal. 1939-1949. Paris: Gallimard, 1954. 1280 с.
7. *Intelligentsia entre France et Russie. Archives inédites du XX siècle*. P.: Beaux-arts de Paris les éditeurs, 2012. 534 с.
8. *Si lyrique cyllirique de Louis Aragon*. М.: Автограф века, 2013. 170 с.

“SOCIALIST IDEA WILL RUIN ITSELF IF IT REFUSES TO PROTECT HUMAN DIGNITY” (WALKING ON TWO EXHIBITIONS OF ARCHIVAL DOCUMENTS)

Balashova Tamara Vladimirovna, Doctor in Philology
Institute of World Literature named after A. M. Gor'kii, Russian Academy of Sciences
tantabalach@mail.ru

The author suggests the analysis of some aspects of the relationship between the intelligentsia of Russia and France after 1917 – foreign writers' understanding of political, ethical and aesthetic changes that predetermined the movement of culture in the USSR; considers the questions occurred due to the fact that the repressive methods of culture “management” were not appropriate to the very notion of “socialist country”, and as a starting point of the analysis takes the material from the exhibition “Writers and Intellectuals of Russia and France 1917-1991”.

Key words and phrases: the relationship of cultures; criteria for evaluating work of art; translation; interference.

УДК 81.373.612.2'

Филологические науки

Статья посвящена описанию ключевой концептуальной метафоры, структурирующей концептуальную систему категории концессивности, которая анализируется с учетом отражаемых ее особенностей восприятия, концептуализации и категоризации человеком окружающей действительности. Автор приходит к выводу, что ключевая концептуальная метафора категории концессивности базируется на пространственной метафоре, на основе адаптации новых знаний с привлечением когнитивной структуры из имеющих у субъекта знаний.

Ключевые слова и фразы: концептуализация; категоризация; концептуальная метафора; метафорическая модель; концессивность; уступка.

Берзина Галина Петровна, к. филол. н., доцент
*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И. К. Яковлева Министерства внутренних дел России*
bgp55@mail.ru

КЛЮЧЕВАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАТЕГОРИИ КОНЦЕССИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)[©]

Категория концессивности относится к языковому феномену, который не имеет однозначного толкования в современной лингвистике. Традиционно категория концессивности (уступительности) рассматривается как семантико-синтаксическая категория, при изучении которой в центре внимания исследователей находятся синтаксические средства выражения категории, классические уступительные лексемы: *хотя, несмотря на то, что* в русском, *obwohl, obgleich* в немецком, *though, although, despite* в английском языках [1; 5; 13].